

П у б л и к а ц и и

«ТУНИССКОЙ ПАША» МИХАИЛА МАТИНСКОГО

*Публикация, вступительная статья и примечания
Александра Лифшица*

Более полувека назад замечательный историк русской литературы XVIII столетия П. Н. Берков пообещал опубликовать написанное Михаилом Матинским (1750–1820) и никогда не издававшееся либретто оперы Василия Пашкевича «Тунисской Паша»: «Текст ее <пьесы. – А.Л.> будет напечатан мною в одном из ближайших выпусков сборника „XVIII век“»¹. Обещание, однако, осталось не выполненным. Известный П. Н. Беркову и, похоже, единственный сохранившийся список этого драматического сочинения² остался лежать в Театральной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Рукопись комедии упоминается в статье, посвященной М. А. Матин-

скому в *Словаре русских писателей XVIII века*³, однако текст пьесы до настоящего времени так и не привлек к себе внимания исследователей. Отчасти это вполне объяснимо. Собственно литературные достоинства пьесы не столь значительны, чтобы она могла претендовать на исключительное место в истории русской литературы. А по мнению исследователя музыкальной культуры, «меньший сюжетный интерес <...>, и несравненно меньшая значимость музыки» не позволяют этому сочинению «Тунисскому паше». – А.Л.> войти в историю русской оперы как „определяющее, влиятельное и важное“»⁴.

Впрочем, эта комическая опера, или «драма с голосами» (а именно так следует определять жанр сочинения Пашкевича-Матинского), которая впервые была представлена на сцене Вольного российского театра Карла Книппера в

Статья написана в рамках научного проекта (№ 15-01-0114), выполненного при поддержке Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“» в 2015–2016 гг.

¹ Берков П. Н. «„Драматической словарь“ 1787 года». *Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков*. Москва; Ленинград, 1959. С. 65, примеч. 60, № 7.

² Несомненно, что рукописные копии либретто Матинского существовали. Так, среди книг, принадлежавших собирателю П. Я. Актову в начале 1840-х гг., под № 240 числится рукопись в четвертую долю листа на 59 страницах, содержащая комическую оперу «Тунисский паша». – См.: Козлов В. П. «О рукописях П. Я. Актова». *Памятники культуры. Новые открытия*. 1982. Ленинград, 1984. С. 133.

³ Кукушкина Е. Д. «Матинский». *Словарь русских писателей XVIII века*. С.-Петербург, 1999. Вып. 2. С. 278. Шифр рукописи указан неверно.

⁴ Ливанова Т.Н. *Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы*. Москва, 1953. Т. II. С. 141. Заметим, что музыка оперы «Тунисской паша» не сохранилась или до настоящего времени не найдена, что, вероятно, подтверждает справедливость приведенного суждения – в противном случае музыку бы знали.

Санкт-Петербурге в 1782 г.⁵, очевидно, пользовалась успехом, поскольку несколькими годами позже, в 1785–1789 гг., она шла в московском театре Медокса⁶, а «Драмматической словарь» сообщает, что «сия пьеса часто была играна как в Санкт-Петербурге, так и в Москве»⁷.

Возможно, пьеса шла и на сцене императорских театров, или такая постановка предполагалась. Во всяком случае, на сохранившейся рукописи стоит печать Центральной библиотеки императорских театров (см. ниже).

Фигура писателя, переводчика, педагога, а возможно, и музыканта Михаила Алексеевича Матинского многократно привлекала внимание исследователей, изучавших его многообразное творчество⁸, но из его литературных сочинений в поле зрения исследователей попадала в основном другая его комедия – чуть более ранний по времени создания «Санктпетербургский гостиный двор»⁹.

⁵ Кукушкина Е. Д. Указ. соч. С. 278.

⁶ Дынный Т. *Крепостной театр*. Москва, 1933. С. 296–297.

⁷ *Драмматической словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов. С означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах, и где, и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральные представления.* / Собранный в Москве в типографии А. А. 1787 года. – [Москва]: [Тип. Анненкова], [1787]. С. 145.

⁸ Например: Прокофьев В., «Михаил Матинский и его опера „Санктпетербургский Гостиный двор“». *Музыка и музыкальный быт старой России. Материалы и исследования*. Ленинград, 1927. Т. 1; Чистяков И. И. «Крепостной математик-композитор XVIII в. М. Матинский». *Известия Тверского педагогического института*, 1928, вып. 4; Левашов Е. «Существовал ли композитор Матинский?». *Советская музыка*, 1973, № 5.

⁹ Первое издание текста пьесы см.: Матинский М. А., *Опера комическая Санктпетербургской го-*

Этот текст Матинского был превращен в либретто одноименной оперы того же В. А. Пашкевича и признается сочинением, без которого невозможно представить себе историю русского музыкального театра. Как следствие, Михаил Матинский называется среди писателей, которые «на первых порах даже в большей степени определили» жанр русской оперы¹⁰.

Нет сомнения, что популярности «Санкт-Петербургского гостиного двора» способствовали, прежде всего, сатирическая картина нравов и узнаваемый простонародный язык персонажей, а также несомненное предпочтение, по идеологическим соображениям оказываемое социальной сатире исследователями русской литературы и русской культуры в XX в.

К тому же следует признать, что ориентальные мотивы (а комическая опера «Тунисской паша» представляет собой сочинение именно на «восточный» сюжет) после царствования Екатерины II больше не пользуются популярностью у писателей, реализуясь разве что в нарочито сниженном контексте, как в *Записках сумасшедшего* Н. В. Гоголя в виде шишки под носом алжирского дея, или в качестве образца «эзопова языка», как, например, в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Жалобы турка».

Иными словами, ориентальные мотивы, с точки зрения истории литературы, оказывались не слишком интересными для исследования, так как, с одной стороны, они представляют явно не центральную линию развития рус-

стиной двор: В трех действиях. Москва: В вольной типографии А. Решетникова, 1791.

¹⁰ Ливанова Т. Н. Указ. соч. С. 157.

ской словесности, а с другой – не могли быть использованы в идеологически ангажированных построениях, коими так богаты традиции советского литературоведения XX столетия.

Между тем для русской литературы второй половины XVIII в. обращение к восточной тематике – явление далеко не редкое. Европейская популярность сказок *Тысячи и одной ночи* вполне распространялась на Российскую империю¹¹, предлагая в дальнейшем удобный дискурс для разных форм литературного эскапизма.

Как следствие, переведенные с французского или немецкого языков пьесы и оперы, а также условно-оригинальные русские сочинения на «восточный» сюжет весьма многочисленны и ставятся разными театральными труппами на протяжении всего царствования Екатерины II.

Но «Тунисской паша» Матинского не просто легко встраивается в этот ряд театральных сочинений. Его пьеса становится едва ли не первым оригинальным русским сочинением для театра, эксплуатирующим восточную экзотику.

Вот нехитрый сюжет пьесы:

К изумлению тунисских подданных, Тунисский паша оказывается женщиной. Потеряв в результате драматических коллизий возлюбленного и почитая его мертвым, россиянка Драгима, облачившись в мужскую одежду, ищет смерти на полях сражений. Однако уди-

вительная храбрость и удачливость приносят ей титул Тунисского паши – наместника султана в Тунисе. Вскоре находитесь Милен, возлюбленный «паши», и после ряда недоразумений молодые люди соединяются¹². Незатейливое действие украшено ариями, а также комическими диалогами.

Пьеса изобилует тем, что мы применительно к современному языку назвали бы сленгом. В репликах второстепенных персонажей, на которые приходится значительная часть комической нагрузки, автор охотно использует экспрессивные словечки, значение которых мотивируется в равной степени внутренней формой и контекстом разговора¹³.

Важно также, что среди позднейших и, пожалуй, более легкомысленных драматических сочинений, разрабатывающих ориентальные сюжеты и мотивы, «Тунисской паша» выделяется явственно прочитываемой идеологичностью.

Драгима, действующая под именем Селима, оказывается храбрее любого восточного воина и в представлении обитателей двора тунисского паши не похожа на обычную женщину, которая *«не станет думать о том, чтобы сделать»*

¹² Замечательно, что в конце того же года, когда ставится «Тунисской паша», на сцене того же театра появляется комедия П. Батурина «Зговор», в которой действуют Милен и ее любовник Драгим. – См.: [Батурин П.С.], «Зговор / Комедия в трех действиях. Представлена в Санктпетербурге на вольном российском театре декабря 26 дня, 1782 года; под именем Игроки», *Российский феатр. Ч. 29: [Комедии: Т.14]*. С-Петербург, 1789. С. 5–92.

¹³ Этот же способ достижения комического эффекта Матинский использует и в «Санктпетербургском гостиним дворе». Ср.: «Оперный язык (...) Матинского по ряду признаков оказывается несравненно более смелым, жизненным и колоритным...». – Ливанова Т. Н. Указ. соч. С. 141.

¹¹ Тысяча и одна ночь. Сказки арабския. Переведена с французского. Т. 1–12. Москва: Типография Императорского Московского университета, 1763–1774. Еще не было завершено первое издание, как типография Московского университета приступила к печатанию второго, вышедшего в 1768–1789 гг. – См.: СК XVIII № 7416 и 7417.

ся героем, и от одного только страху, увидя обнаженную саблю, упадет с лошади» (л. 5об.)¹⁴.

Ее героизм подается как следствие национального характера. В комической беседе о сравнительных достоинствах француженок, итальянок, немок и россиянок выясняется, что последние, не в пример прочим, «сперва стараются мужчину вызнать, поникнуть его мысли, и если намерение его беспорочно, то, основав любовь на честности, любят нежно и пребывают всегда верны» (л. 15об.).

Однако прославлением достоинств россиянок идейное содержание пьесы не ограничивается. Сочинение Матинского, несомненно, представляет собой своеобразную апологию женской монархии, которая оказывается милосерднее и мудрее мужского правления.

Осмысление женского правления, как известно, задача для России XVIII столетия весьма актуальная, но время Екатерины II предоставляет для этого относительно бóльшую свободу, чем предыдущие царствования.

В пьесе Матинского используется известный по любимым императрицей Елизаветой Петровной маскарадам и не забытый впоследствии мотив переодевания, когда мужчины облачались в женское платье, а женщины, наоборот, в мужское¹⁵. Стоит заметить, что сама Екатерина II подчеркивала, как к лицу ей мужское платье¹⁶, и, исполняя тра-

диционно мужские роли, охотно, пока позволяли возраст и фигура, надевала на себя то гвардейский мундир, то мужской охотничий костюм.

На эту общую для века Просвещения игру в травести накладываются вновь осваиваемые русской культурой ориентальные мотивы, тем более актуальные, что Российская империя охотно примеряла на себя и восточные одежды¹⁷.

В результате пьеса «Тунисской паша» оказывается одним из первых шагов в формировании наполовину иронического – наполовину серьезного образа Российской монархии как неограниченной восточной деспотии, в которой абсолютная власть принадлежит идеальному правителю – монархине¹⁸.

Текст пьесы публикуем по рукописи Государственной Театральной библиотеке в Санкт-Петербурге¹⁹, которая по дате, написанной на первом листе, датируется 1783 г.

Рукопись в 4° (средние размеры листа 22,5 x 17) содержит 42 листа с текстом (I-II+42+III-IV л.). Рукопись, вероятно, была подмочена, листы загрязнены (особенно нижние внешние углы), в коричневых пятнах. Утрачен верхний

¹⁴ Здесь и далее ссылки даются на листы рукописи из Театральной библиотеки в Санкт-Петербурге.

¹⁵ Ср.: Записки императрицы Екатерины II. Москва, 1980. С. 107–108.

¹⁶ Там же. С. 112.

¹⁷ См. об этом интересную работу: Боленко К. Г. «„Русский вельможа, европейский grand seigneur и татарский князь“ Н. Б. Юсупов: К вопросу о самоориентализации российского дворянства в последней трети XVIII – первой трети XIX вв.». *Ab imperio*, 2006, № 3. С. 161–216.

¹⁸ Ср.: Лифшиц А. Л. «Екатерина Великая в виде Сулеймана Великолепного: анонимная пьеса о несчастной любви императрицы». *Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці: Матеріали міжнародних книгознавчих читань (Одеса, 14-16 вересня 2009 р.)*. Одеса: «Астропринт», 2010. С. 181–197.

¹⁹ СПбГТБ, I.18.2.10.

внутренний угол л. 1, незначительно пострадал текст.

Копия написана на бумаге русского производства; водяные знаки просматриваются плохо, но, скорее всего, водяной знак на бумаге РФ / СЯ (ср.: *Клепиков*. № 535 – 1780-1781 гг.). В настоящее время пьеса заключена в новый реставрационный переплет, сделанный в подражание переплетам XIX в. Переплет очень плотный, книга раскрывается с трудом. На верхнюю крышку перенесена наклейка с оригинальной обложки – лист бумаги в виде сердца с заглавием: «Тунисский Паша. Опера в 2-х действиях. № 14-й 29.» Число «29» написано иным почерком.

Блок книги не выровнен. В начале и конце кодекса сохранилось по два защитных листа серой бумаги с водяным знаком ProPatria и белой датой «1816», что, должно быть, соответствует дате предыдущего переплета.

На форзаце 1б наклеен экслибрис Центральной библиотеки императорских театров с шифром рукописи в «Коллекции опер». На л. 1 круглая красная печать той же библиотеки.

Пьеса переписана разборчивым, но далеким от каллиграфического почерком с большим количеством написаний, отражающих акающее произношение переписчика и другие фонетические явления русского разговорного языка.

Так, графема Ъ используется в рукописи чаще, чем следовало бы в соответствии с этимологией, что свидетельствует о неразличении этимологических Е и Ъ. Значительное число написаний отражает неразличение фонем А и

О, Е и И в безударных слогах; например, *подъедишь* (л. 15), *слышится* (л. 33), *заворили* (л. 34), *харашо* (л. 28об.) и т.п. А ремарка «поет» записывается исключительно как *Паіотъ*. Существуют альтернативные написания *счастье / щастье, его / ево* и другие. Отражается ассимиляция в группах согласных, например: *канешно* (л. 4об.), *што* (л. 32об.), *немношко* (л. 34), *лесницу* (л. 30об.), *сумозброднее* (л. 34об.), *съединяет* (л. 39), *удет* вместо *уйдет* (л. 40) и др.; оглушение конечного согласного (*глас* вместо *глаз* – л. 33), но встретилось и гиперкорректное написание *всечастно* (л. 36).

При передаче текста предпочитаем унифицированное написание лексем в соответствии с правилами современной русской графики и орфографии. Исключение делается для написаний, отражающих отличия живого произношения от современной орфоэпической нормы. Так же сохраняются некоторые особенности книжных грамматических форм, свойственных языку XVIII столетия.

В тексте рукописи авторские указания выделяются чуть меньшим размером букв и подчеркиванием. Основным знаком паузы является прочерк между словами, фразами. При передаче текста заключаем ремарки в скобки, а «тире» (в качестве знака паузы) заменяем отточием.

В угловые скобки заключаем конъектуры – утраченные на дефектных листах слова или части слов. Буквы, пропущенные переписчиком из-за невнимательности, восстанавливаются; эти конъектуры никак не обозначаются.

При передаче текста указывается нумерация листов рукописи.

Тунисской паша.
Комическая опера а двух действиях.
Писана 1783 года 4 декабря.

/1об./

Действующие <лица.>

Драгима под <именем> Тунисского <Паши>

Фатьма	}	любовницы Паши
Заида		
Милен любовник	}	невольники
Драгимы		
Робей, слуга Миленов		

Гассан, надзиратель над невольниками

Омар, черной невольник

Несколько невольников, принадлежат Паше.

Действие начинается в вечеру, продолжается ночью.

Театр представляет сад; спереди по обеим сторонам находятся новые скамейки; вдали видим <палаты Паши с дверьми, украшенными> фонарями, и к ним небольшая аллея.

/2/

ТУНИССКОЙ ПАША
Комическая опера

ДЕЙСТВИЕ 1^е.

Явление 1^е.

Гассан и Омар.

*(Омар зажигает в саду фонари, Гассан сидит на дерновой скамейке
и поючи пьет вино.)*

ГАССАН

Всегда тот весел может быть
И счастьем наслаждаться,
Когда ему винца попить
В спокойствии удастся.
О, коль полезно пить вино!

Целит недуги все оно.
Так выпьем по стакану,
Чтоб был здоров Паша всегда. //

ОМАР

Напиться хоть до пьяну
За мной не станет череда.
Будь здоров, Паша почтенной
ОБА
Любезной доброй господин

ОМАР

Налей еще стакан один –
От верности усердной
Готов я крепко подкурнуть*.

ОБА

Да здоров Паша на веки будь!

ГАССАН

Куда как вкусно!

ОМАР

И впрямь так?

ГАССАН

Божусь тебе Магометом, как бы Муфти не запрещал, /3/ а я-таки винцо попивать буду.

ОМАР

Дельно; да ведь он и сам, я чаю, его не откинёт**.

ГАССАН

Если он не дурак, так я думаю, что оно придется ему по вкусу. На ж, выпей еще стаканчик за здоровье любезного нашего Паши.

ОМАР

От всего сердца.

(Пьёт.)

* *Подкурнуть* – означает ‘выпить’; слово представляет собой дериват от глагола *курить* в значении ‘заниматься перегонкой вина’, ср.: *винокуренный, винокурня*.

** *Откинёт* – здесь означает ‘отвергнет’.

ГАССАН

Этот доброй господин достоин того, чтоб из любви к нему расстукать* целую дюжину бутылок. – Он, право, того достоин. – Он такой доброй человек, что мы у него почти как невольники. – Он держит в погребу у себя вино, да и не взыскивает того, если у него бутылку-другую высулишь**. Другой бы – статное ли дело, и за свои // собственные деньги пить – дал бы доброй напрягай***, а не только, чтоб брать у него с погреба. Однако ж пьет он сам не более, как по рюмочке в день.

ОМАР

Я не почитаю Селима за истинного музульмана.

ГАССАН

Как? Почему?

ОМАР

Потому что он пьет вино да и слугам своим пить позволяет.

ГАССАН

Так потому-то он и не истинный музульман? Да я и сам пью, однако ж я самой усердной непоколебимой музульман. Итак! (*Пьет.*) Да здравствует Селим и все музульманы подобные /4/ мне! Что ни говори, а винцо – святое питьецо****.

ОМАР

Ин, час тебе доброй; пей себе, а я пойду зажигать фонари, неравно Паша придет скоро сюда со своими любовницами.

ГАССАН

Его еще и дома нет.

ОМАР

Так, может быть, оне без него придут и увидят, что здесь еще не прибрано.

* *Расстукать* – здесь ‘опустошить’, т.е. опорожнить бутылку, которую можно будет затем безжалостно *расстукать* – разбить.

** *Высулить* – выпить; слово представляет собой дериват от существительного *суло* – ‘жидкость, предназначенная для спиртового брожения’.

*** *Напрягай* – экспрессивное слово, образованное по той же модели, что и общеупотребительное *нагоняй*.

**** Реплика Гассана звучит как афоризм. Вероятно, автор создает этот афоризм сам, ориентируясь на существующие фольклорные тексты; ср., например: «Ну, сватушка, пожалуйста мне питьеца, хоть винца, / Не винца, так пивца, не пивца, так кваску, не кваску, так водки из-под легкия лодки». – Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний / Собраны и изданы с соблюдением местного выговора Александром Смирновым. Москва, 1847. С. 181.

ГАССАН

Легкое ли дело! Ведь Паша не очень до них ласков.

ОМАР

То правда. Только это удивительно, что он человек молодой, а женщин не любит.

ГАССАН

Ето подлинно, что чудно. Ведь // молодые люди до красавиц очень падки.

ОМАР

Конечно! Они иногда и старушек не откидывают.

ГАССАН

Для чего ж женщин и не любить – оне на то созданы. Я и сам их люблю. Только, что ни говори, а Селиму я часто дивлюсь.

ОМАР

Если правда, что я недавно об нем мимомельком слышал. – Ха!-Ха! – то это очень смешно.

ГАССАН

А что ты слышал?

ОМАР

Потому-то и не удивительно, что он до женщин не охотник. И коли это когда ни будь откроется, то как тогда наши красавицы-то смотреть на него станут.

/5/

ГАССАН

Да что такое, скажи!

ОМАР

Я слышал (*Осторожно оглядываясь.*), что будто Селим наш – женщина.

ГАССАН

Женщина! Изрядная женщина! Эдакой ты дурачина! Женщины не для того сотворены, чтоб умерщвлять людей, так как наш Паша делал. Все знают, как эта робкая женщина оказала себя на войне и сколько неприятелей на тот свет отравила. (*Поёт.*)

В тот год, как бились наши войски,
Селим наш храбро поступил.
Он бил и побеждал геройски,

И чин Паши там получил.
Лишь неприятель показался,
Он на коне во фронт ворвался,
И первой он смешал их строй. //
Лил кровь вокруг ручьями
И войско гнал назад толпами.
Вот видишь он какой герой.

Женщина не станет думать о том, чтобы сделаться героем, и от одного только страха, увидя обнаженную саблю, упадет с лошади.

ОМАР

Я и сам то же думаю, что война женщинам гораздо страховата. Ведь кровь лить – не лодлаваном* прыскать. И саблюю владеть – не иголкой стегать**. Но мне сказывали, что Селим для того-то воевать отважился, чтоб лишиться жизни, которая ему стала несносною.

ГАССАН

Будто? Ведь жизнь всякому мила.

/6/

ОМАР

Любовь, друг мой! Довела ее – пусть уж будет «ее», а не «его», потому что Селим – точно женщина. Любовь довела ее до того, что она жизнь возненавидела. У ней был любовник, которой, защищаясь от морских разбойников, смертельно ранен и наконец взят в невольники. Она имела способ избавиться от разбойников и переделась в военное турецкое платье. А как великой султан в то время начал войну, то и предприняла она воевать с тем намерением, дабы чрез это соединиться поскорее со своим любовником. И так с отчаяния делала она такие дела, какие бы усатым нашим янычарам в пору делать было. За что султан и пожаловал ее Пашою Тунисским.

ГАССАН

Чудеса да и полно! //

ОМАР

О, женщины во отчаянии все сделать могут. Оне великие штукарки***. (Поём.)

Когда в отчаянье впадут,
То бедств не страшны им удары.
В такое бешенство придут,
Как наши храбры янычары.

* Лодлаван – лавандовая вода, l'eau d'lavand.

** Стегать иголкой – шить; ср.: стеганое одеяло, стежки. Противопоставляются мужское и женское занятия.

*** Штукарки – фокусницы.

Стремятся лить нещадно кровь,
С презреньем смотрят на любовь,
Свой кроткой нрав позабывают
И все на зверство пременяют.

ГАССАН

В этом я согласен, да только тому не верю, чтоб Селим был женщина. Мне кажется, что ты всё врешь. Да и кто тебе надул это в уши-то?

ОМАР

Мне это сказал Али, как я его вином потчевал.

/7/

ГАССАН

Ну, видно, как он налил зенки-то*, да и почал бредить.

ОМАР

И то станется. Однако ж он сказал, что он слышал из-за дверей, когда Селим Фатьме это сам рассказывал.

ГАССАН

Фатетюй**! Али только тебя за нос водил. Ведь ты знаешь, каков он? Когда бы Фатьма об этом знала, так может ли статься, чтоб другие об этом уже не сведали? Ведь всякой женщине столько ж тяжело тайну таить, как *уступить* другой своего любовника, коего она страстно любит. (*Хочет пить.*) Да уж и всё? Эх! Это сверх моего чаяния, а то бы выпил за здоровье скромных женщин. – Кто-то идет. // А! Это Заида. Полно же мне здесь хозяйничать.

(*Уходит с бутылкой и стаканом.*)

Явление 2^е.

Заида, Омар и потом Фатьма.

ОМАР

Видишь, как плывет и не шелохнется – я готов удариться об заклад, что она о Селиме думает и сердится на холодные его поступки. Ха! Как-то она посердится тогда, когда узнает, что тот, по котором она страдает, – не мужчина, а женщина!

ЗАИДА

(*выходя, в глубоких мыслях*)

Ах! Сколь судьба моя немилосерда!

* *Налить зенки* – нарочитый вульгаризм.

** В словаре В. И. Даля есть слово *фатюй*, которым называют простофилю или разиню. Весьма вероятно, что *фатетюй* – то же слово с основной, содержащей экспрессивное удвоение слога.

/8/

ФАТЬМА

Ба! Ты тут, Заида? – Да что тебе сделалось? Мне кажется, что ты о чём-то печалишься.

ЗАИДА

Конечно, потому что нет мне причины столько радоваться, как тебе.

ФАТЬМА

Для чего ж мне больше радоваться? – Ведь мы имеем равную* участь.

ОМАР

(про себя)

Ето правда, если Селим – женщина.

ЗАИДА

Пожалуй, душенька, надо мною не смейся. Ведь еще нельзя узнать, чтоб и твоё счастье не переменилось.

ФАТЬМА

Конечно так – счастье всегда перемененно бывает. //

ЗАИДА

Так тогда почувствуешь ты, сколь тягостно видеть себя в презрении.

ФАТЬМА

Да кто ж тебя презирает?

ОМАР

(про себя)

О! Если подозрение мое справедливо, то, то я надсядусь со смеху, что оне попустому ссорились.

ЗАИДА

Я не знаю, в самом ли деле ты меня не разумеешь или нарочно разуместь не хочешь.

ОМАР

Одно из двух.

* Т.е. равную, одинаковую.

ФАТЬМА

Молчи и поди отсюда!

ОМАР

Слышу, сударыня.

(Уходит.)

/9/

ФАТЬМА

Откройся мне, душа моя, о чем ты печалишься? Ты напрасно лишь тревожишься мыслями и желаешь чего-нибудь такого, что получить невозможно.

ЗАИДА

Да-да. Видно что так.

ФАТЬМА

Я уж дознаюсь, что тебя сокрушает. Это те речи нашего Паши, что в Европе каждой муж одну только жену имеет.

ЗАИДА

О! Сколько счастливы там женщины!

ФАТЬМА

Однако ж не столь, как ты думаешь. Одну жену берут они по закону, а тайным образом имеют их больше, нежели наши музульманы.

ЗАИДА

Ах! Так по этому и во всех // землях имеют мужья преимущество поступать по своей воле.

ФАТЬМА

Тамошние бедные женщины еще и нас несчастнее. У нас это дозволено да уже вошло и в обычай, которой нам теперь ни мало не странен. Мы знаем уже и до замужества, что женщина не может себя почитать единым предметом нежности своего мужа, а в Европе выходит женщина в том намерении, что муж должен одну её любить так, как их закон повелевает. А как она проведает, что муж ея имеет таковых множество, что сколь она печалится. И тем еще более, что он тайно это делает. – Мы же здесь всех жен знаем и ласково обходимся, а тамошние жены о мужниных любовницах ни мало не ведают, а коли /10/ и сведают, то не токмо бранятся, да часто и до драки у них доходит.

ЗАИДА

Жалки ж оне бедненькие. Но я бы счастливее их была тогда, естли б Селим поласковее со мною обходился.

ФАТЬМА

Да разве не имеет он к тебе почтение и дружбы?

ЗАИДА

Его не только не успокоит нежного сердца, но таковой хладнокровной поступок еще более его печалит. *(Поёт.)*

Нет в свете уж для нас отрад,
Когда любезной убегает,
Когда его холодной взгляд
Страсть нежну сердца презирает.
Не тяжко ль то влюбленной зреть
И всё терпеть? //

ФАТЬМА

В этом, конечно, ты справедлива, что любить кого и не быть от него любимой всего досаднее в свете.

ЗАИДА

Когда ты это так признаешь, так поди же и скажи паше, что холодность его меня мучит. – Но как я могу препоручить это той, которая беспокойству моему только смеется и которая Селимово сердце у меня похитила.

ФАТЬМА

Как? Я? Изрядно же ты обо мне думаешь.

ЗАИДА

Разве это не правда?

ФАТЬМА

Ты ошибаешься.

ЗАИДА

Ах! Обманщица!

/11/

ФАТЬМА

Опомнись! Что ты говоришь, Заида!

ЗАИДА

Лицемерка!

ФАТЬМА

Постой! Оставь свои ругательства! *(Поёт.)*

Коль женщины не получают
Того, чего они хотят,
Тогда злословят и бранят
И тем себя лишь сокрушают,
Теряя свой покой
От ревности пустой.

ЗАИДА

О! меня уж больше ты не обманешь. Ты поймала в свои сети Селима и умела его к себе одной привлечь своим ласкательством и клеветою.

ФАТЬМА

Почему ты обо мне столь дурно заключаешь? //

ЗАИДА

Ты считаешь меня столь глупою, что я ничего не примечаю. Доверенность, которую Селим к тебе имеет, есть явным доказательством, что он тебя любит.

Явление 3^е.

Те ж и Омар.

ОМАР

Ей-ей! Что это у вас за крик, сударыни? Я уж думал, что у вас баталия происходит. Куда как бы Паше это приятно видеть было, естли б он на ту пору сюда пришёл. Что такое у вас сделалось?

ФАТЬМА

Безделица. Мы немножко порассорились. Заида всё ко мне ревнует.

ОМАР

Я-таки так и думал.

/12/

ЗАИДА

Я это не без причины делаю.

ОМАР

Да кого ж вы к ней ревнуете?

ЗАИДА

Уж, конечно не тебя с дурною твоей арапскою харею.

ОМАР

Будто я и дурен. Между арапами и я молодец. Ведь не один цвет лица красоту мужчины составляет.

ЗАИДА

Так слушай же: я досажую на то, что Паша её любит, а меня – нет.

ОМАР

Вы точь-в-точь отгадали, сударыня.

ЗАИДА

Ну, слышишь ли?

ФАТЬМА

И ты этому веришь?

ОМАР

Для чего вы этого отрицаетесь? Это вам же лучше. Я слышал // еще, что Паша всех прочих своих любовниц хочет распустить и только вас одну иметь супругую намерен.

ЗАИДА

Не отгадала ли я этого?!

ОМАР

(про себя)

Куда бы я так рад был, естли б оне друг друга пощипали.

ЗАИДА

Естли б этот неблагодарной знал, как я любила его страстно...

ОМАР

Сколь я сожалею об вас, сударыня, что Селим так жестоко вас мучит! Я-таки давно приметил, что, прогуливаясь вы часто по саду, испускаете тяжкие вздохи и кидаете жалкие* взоры, когда поравняетесь против Селимова окошка. Я знаю, каково девушкам тогда, когда она влюблена в кого. *(Поёт.)*

Грудь тяжело томится, в глазах жар горит,

Вздыхает и ищет отрады,

А естли любезного часто не зрит,

Терзает себя без пощады.

Как маятник бьется в часах –

* Т.е. жалобные, жалостные.

Так в женских влюбленных сердцах.
Так-так, так-так.

ОМАР

Это великое мученье, ежели на сердце у кого кует этот кузнечик.

ЗАИДА

О! Хотя бы ты сам был женщиною, то бы не мог лучше этого отгадать.

ОМАР

Может бы и я был женщиною. Ведь недавно еще вышло из обычая, как были черные мужчины женщинами так, как в Европе бывало*.

ФАТЬМА

Как это?

ОМАР

В комедии. //

ЗАИДА

А что такое комедия?

ОМАР

Комедия – ни что иное, как комедия.

ФАТЬМА

Селим мне сказывал, что комедия есть подражание дел и как бы зеркало обыкновений человеческих – образ истинны**.

ОМАР

Да-да-да. Комедии представляют в особливом для сего месте, украшенном живописью, где назначенные для сего люди говорят и действуют так, как будто что в самом деле происходит. Например, их теперешней вашей ссоры можно бы также комедию сделать.

ЗАИДА

К чему ж тут надобны черные?

* Вероятно, речь идет об исполнении женских ролей мужчинами и о том, что арлекин может играть любую роль, в том числе и женскую (см. ниже).

** Парафраз определения комедии из *Поэтики* Аристотеля.

ОМАР

Ето в Италии и Франции в обыкновении, чтоб черной человек, коего /14/ называют там арлекином*, представлял слугу и делал бы разные обманы, принимая на себя разные виды. Иногда делается он господином, иногда – морским разбойником, иногда – султаном, иногда – женщиною, иногда –...

ЗАИДА

Так может ли это быть образ истинны?

ОМАР

Ето правда, однако ж иногда умрешь на него от смеху.

ЗАИДА

Легкое ли веселье! Надобно прежде ослепнуть, чтоб почесть мужчину женщиною!

ОМАР

И будто вы никогда в этом не ошибаетесь?

ЗАИДА

Конечно, нет. Как бы мужчина или женщина не переделись, тотчас можно приметить. //

ОМАР

Чуть ли то вы устоите в своем слове... Ну естли бы наш Паша, едакой молоденькой красавчик, был женщина, что б вы тогда сказали?

ЗАИДА

Ты завираешься! Или видно ты научён только бесить меня? Как этому статься?

ФАТЬМА

Послушай, Омар, ты бывал в разных европейских государствах, так Расскажи нам, как тамошние женщины в любовных делах поступают?

ОМАР

Весьма отменно**. Я, я это больше, нежели другое что, вызнать старался. *(Поёт.)*
Здесь в любви образ такой,
А в других землях другой.

* Арлекин в традиционной итальянской комедии масок носит черную маску; существуют многочисленные изображения арлекина в черной маске, относящиеся к XVIII в. Омару маска не нужна, он обыгрывает свое природное «арлекинство».

** Т.е. различно, по-разному.

Много шутят итальянки,
Простодушны в том германки,
/15/ Нрав французских дам
Всякой знает сам:
Подласкаться так умеют,
Что и мысли все рассеют.
Россиянки верность чтят
И любви закон хранят.

ЗАИДА

Так итальянки насмешливы?

ОМАР

Да. И столько же отважны, как и француженки. Однако ж француженки сверх того еще лукавы и ветрены. Она хоть и за нос проводят, а всё говорят: *Monsieur je vous demen* pardon.*

ФАТЬМА

А немки?

ОМАР

Эти госпожи при всех их поступках такие овечки, что как сами они искренне обходятся, то и об мужчинах думают, что они такие ж невинные барашки. А от этого-то, как рыбка на удю, и попадают.

ЗАИДА

Скажи ты мне, каковы россиянки?

ОМАР

О! Этот перец тотчас в нос бросится**! К ним с балами не подъедешь. Они сперва стараются мужчину вызнать, поникнуть его мысли, и если намерение его беспорочно, то, основав любовь на честности, любят нежно и пребывают завсегда верны. А в прочем и то сказать: в семье не без урода.

ФАТЬМА

Тише! Кто-то идет! Это паша!

(Отходят в сторону.)

* Французский текст явно писался со слуха человеком, не слишком знающим язык; правильно было бы 'demand': *Месье, я прошу у Вас прощения.*

** *Броситься в нос* – может означать то же, что *дать в нос*.

Явление 4^е.

Те ж и Селим.

СЕЛИМ

(Выходит в глубоком размышлении, будто других не видит. Поёт.)

Богатства света презирая,
Спокойно в бочке обитая,
Всегда был весел Диоген.
Мой дух среди утех забавы,
Среди почтения и славы
Тоскою злой обременен.
Прочь, мысль смущенна, удалися!
Печально сердце, ободрися,
Прошедши горести забудь,
Спокойно будь!

Так я его успокою. К чему провождать цветущую младость во стра//дании по неблагодарном? *(Садясь на дерновую лавку, видит женщин.)* Ах, сударыни, извините меня, что я вас не видал.

ЗАИДА

(про себя)

О, лукавец! Будто ты не видал – это только для того, что ты видеть меня не хочешь, а я по тебе без ума сделалась!

(Уходит.)

СЕЛИМ

Что она говорила такое? Куда она пошла? Омар, поди, проводи ее.

ОМАР

(отходя)

Жалко, бедненькая! Только чуть ли не по-пустому она горюет.

Явление 5^е.

Селим и Фатъма.

СЕЛИМ

Любезная Фатъма, [мне уже нет ни малой надежды дожидаться конца моему страданию. Итак, /17/ вознамерилась я остаться в сей земле и, пользуясь искреннюю твою дружбою, истребить из памяти неверного.

ФАТЬМА
Не в самом ли деле?]*

СЕЛИМ

Выслушай печальную мою судьбу. Ты знаешь, что коль скоро я проведала, что Милен, коего почитала я давно уже мертвым, сделался невольником Осминовым, тотчас постаралась чрез деньги доставить ему свободу. [О! Какую радость чувствовала я тогда, как об нем услышала!] С каким удовольствием уведомила я его письмом, что нахожусь я невольницею у Паши Тунисского и что свобода моя зависит только от его нежности. Чрез сию хитрость старалась я выведать, не пременялся ли он // и как много он меня любит. Я думала так: если он меня любит, то употребит все свои силы для моего освобождения, и я познаю нежность его из того старания, которое будет он иметь для освобождения моего из неволи.

ФАТЬМА
Получил ли он письмо?

СЕЛИМ

Получил. И Осмин пишет ко мне, что, как скоро Милен получил свободу, то тотчас оставил Анзару** и поехал в свое отечество.

ФАТЬМА
Неверной! Да и можно ли на мужчин полагаться! (*Поёт.*)
Поверь, что мужчин в любви сердце беспечно,
К изменам лишь склонно, а к верности – нет. /18/
Клянутся любить и быть верными вечно,
Но вдруг льстит другой им любовный предмет.
Души лишь одно их безумное свойство
Влюбляться в других – рушить первых спокойство!

Явление 6^e.
Те ж и Гассан.

ГАССАН

Анзирской губернатор прислал вам обещанных невольников. Они теперь стоят на дворе. Прикажете ли их привести к себе?

* По-видимому, здесь и далее в квадратные скобки заключен текст, который не должен был звучать на сцене при одной из постановок.

** В прочих случаях топоним написан как *Анзира*. Вероятно, в данном случае переписчик спутал скорописные А и И.

СЕЛИМ

Нет. Однако ж смотри, чтоб они всем были довольны.
(*Гассан хочет идти.*)

СЕЛИМ

Сколько их?

ГАССАН

Двенадцать человек. //

СЕЛИМ

Из каких они земель?

ГАССАН

Один англичанин, три калмыка, четыре немца, два француза, два россиянина.

СЕЛИМ

Два россиянина – ли этим двоим войти сюда. (*Гассан уходит, а Селим продолжает говорить.*) Два россиянина... Может быть, могу я от них нечто проведать... Однако ж не думаю, чтоб они могли меня чем обрадовать.

ФАТЬМА

Почему знать? На что отчаиваться?

Явление 7^е.

Те ж, Гассан, Милен и Робей.

СЕЛИМ

Какой оклад лица!* – Ах, любезная Фатьма! Этот – мой Милен! /19/ А этот – слуга его! Это действительно они!... О, небо! Какая несказанная радость – я вижу его, в оковах заключенна. Он хотел от меня уйти и чрез то попался в неволю. Спроси его, как пришел он в такое состояние? Я не хочу ему открыться.

(*Садится.*)

ФАТЬМА

Откуда вы родом?

МИЛЕН

Из России.

* *Оклад лица* – рисунок или овал лица.

ФАТЬМА

По какой причине оставили вы свое отечество?

МИЛЕН

Жил в Греции в одном приморском городе для отправления коммерции и, прогуливаясь во один день по морю на корабле, лишен имения и свободы.

СЕЛИМ

(про себя)

Так он со мною тогда прогуливался. //

ФАТЬМА

Однако ж во время пребывания в сем государстве, не сыскал ли ты чего такова, чтоб могло облегчать твоего рабства?

МИЛЕН

Когда я удален от моего отечества и разлучен с моею супругою, которую любил я больше себя, то ничто в свете веселить меня не* может.

СЕЛИМ

(про себя)

Разлучен с супругою! А! Изменник! *(К невольникам.)* Выдьте отсюда.
(Гассан уходит с невольниками.)

Явление 8^е.

Селим и Фатьма.

СЕЛИМ

Узнав предмет дражайшей,
Мой дух вострепетал.
Печали вид горчайший
Мне взор его казал. /20/
Душа моя смутилась
И прежняя страсть возобновилась –
Он в злой неволе страждет,
Делила б я ея.
Но прежде дух мой жаждет
Знать, им любима ль я.
Страшуся в роке слезном

* Вставлено над строкой иными чернилами.

Изменника найти в любезном.
В душе моей сумненье
Надежды гонит луч,
Как солнца восхождение
Мрак кроет бурных туч.
Но естли он неверен,
Мой будет гнев к нему безмерен!

Мне кажется, что я вечно лишилась надежды с ним соединиться. Какая тяжкая мука! Другая обладает его сердцем? Другая держит его в своих объятиях? Он не живет уж более для несчастной Драгимы... Ах! // Он узнает, что ни одна его так любить не станет, как я его любила.

ФАТЬМА

Утешься, любезная Драгима, может быть.

СЕЛИМ

Нет! всё тщетно. Я вижу ясно причину поспешного его отъезду!
Это чудовище мало помышляет о известии выдуманного мною невольничества и только думает, как бы жену свою скорей увидеть.

ФАТЬМА

Какой неблагодарной поступок! Однако изменник этот в твоих руках.

СЕЛИМ

Что ж мне с ним делать? Мстить ему? Ах! Мучение, которое бы я ему сделала, будет чувствительнее мне самой, нежели ему. О, Фатьма! Я чувствую, что увидя его, любовь моя снова возгорается и что, несмотря на его вероломство, я и теперь люблю его. /21/ (Поёт.)

Ах, лучше бы Милена
На веки не видать,
Уж поздно мне из плена
Себя освобождать.
И счастье, и слава
Твердят* мою напасть.
Жестокая лишь страсть –
Одна моя забава.
Он дух терзает мой,
Похитивши покой.

* Т.е. подтверждают.

Явление 9^е.

Те ж и Заида.

ЗАИДА

(Подходя, говорит про себя.)

Не могу терпеть, чтоб соперница моя одна пользовалась ласкою Селима. Стану стараться как можно не допускать их быть наедине.

(Кланяется низко.) //

СЕЛИМ

К чему такие учтивости, любезная Заида? Ты знаешь, что я их терпеть не могу.

ЗАИДА

Я всегда должна иметь к вам преданность.

СЕЛИМ

Никак, душа моя. Женщина от мужчины, а не мужчина от женщины должен требовать преданности. Вам, прекрасному и нежному полу, надлежит ожидать от нас почтения и услуг. Сколько я вам об этом не сказывал, однако ж не хотите оставить ваши низкие поклоны. Подруга ваша, Фатьма, больше делает мне в этом угождения.

ЗАИДА

Естьли бы я была на месте Фатьмы...

СЕЛИМ

Вы – то же, что и она. Вы женщина и так же, как и Фатьма, достойны /22/ моего почтения.

ЗАИДА

О! Ежели бы вашим словам поверить можно...

СЕЛИМ

Конечно, верьте им – я вас весьма почитаю.

ФАТЬМА

Заида негодует на то, что будто я имею счастье быть вашею любовницею.

ЗАИДА

Конечно! ты этим счастлива, а я – ах!

ТРИО
СЕЛИМ

Подозренье, ревность брось!
Коль судьба свершит желанье,
То пройдет твое страданье.

ЗАИДА
Естьли б это всё сбылось! //

ЗАИДА и ФАТЬМА
Ах, сколь я того желаю,
С нетерпеньем ожидаю!

СЕЛИМ
Фатьма тщетно только мнит,
Что бы верен он остался.
Верность, кою он клялся,
Был притворства только вид.

ФАТЬМА
Рок гневливой!

ЗАИДА
День счастливой!

ОБЕ
Как то сам сказал Селим.

СЕЛИМ
(к обеим)
Только верь словам моим!

Конец 1го действия.

ДЕЙСТВИЕ 2^е.

Явление 1^е.

ОМАР
(Гасит свечи.)

Все уже теперь угомонилось, так и я, погасивши плошки, тотчас на боковую взвалюсь. Глаза мои предвкушают, что уж время отдохнуть. – Слово-слово*, как булавками их колет. Или как песку в них насыпано. Любезной сон! Ты милее отца и матери. (*Зевает.*) Вот-вот уж и послы** от него появляются.

* В современном русском языке в этом значении употреблено было бы выражение *право слово* или *ей-ей*.

** Зевота предвещает сон, предшествует ему, что позволяет иронически называть ее «послом сна».

Явление 2°.

Милен, Робей и Омар.

ОМАР
Кто там?

РОБЕЙ
Ахти! //

МИЛЕН
Любезной друг.

ОМАР
Что там за друзья такие?

МИЛЕН
Мы двое из недавно привезенных сюда невольников.

ОМАР
Зачем вы сюда пришли?

МИЛЕН
Гассан, распорядившись теперь других невольников, дозволил нам покамест проходиться в саду.

ОМАР
Да что теперь за утеха здесь прохаживаться? Тогда было здесь весело, когда еще плошки не погашены были.

МИЛЕН
Нет, ничего. Я не для веселья сюда пришёл, а чтобы походить на свежем воздухе.

ОМАР
Ну так, пожалуй, себе в потемках оставайтесь.

/24/

Явление 3°.

Милен и Робей.

МИЛЕН
Теперь постараемся употребить случай сей в пользу и попытаемся, не можно ли предприятие наше произвести в действо.

РОБЕЙ

Куда как мы много дела поделаем. Вы видите, что теперь так тёмно, хоть глаз выколи.

МИЛЕН

Только скорая перемена надзирателя весьма меня удивляет. Сперва был он так суров, как лев, а потом, лишь только переговорил с Пашей, то вдруг сделался столь ласков, что и в сад гулять идти позволил.

РОБЕЙ

Мне бы лучше его ласки* было, // естли бы сняли с меня эти ногавки** (*Указывает на ноги.*) да отпустили домой. Не погневайтесь, это самое безрассудное дело – идти в неволю для того, чтоб девку от нея избавить.

МИЛЕН

Что мне другое делать, Драгима писала ко мне, что Паша ее любит. Хотя Осмин и дал нам свободу, но я, не находя другого способа к ея избавлению, просил Анзирскаго губернатора, которому велено нескольких невольников к Селиму отправить, чтоб он послал нас. А вместо того двоим бы дал свободу. И он сделал то по моей просьбе.

РОБЕЙ

Великой клад вы нашли. А теперь предпринимаете вы такое /25/ дело, от которого будете только головою пониже.

МИЛЕН

Мне жизнь ни мало не мила, когда не получу я, имея случай, доказать любезной моей Драгиме, сколь много я ее люблю! (*Поёт.*)

Приятной долг – храня любовну страсть,
Делить несчастье с своей любезной.
Коль вернула судьба в напасть,
То сострадание отрет ток слезной.
Драгиму чтоб освободить,
Мне самого себя милее.
С Драгимою в разлуке быть
Мне самой страшной смерти злее.

* Над последними двумя словами стоят цифры 2 и 1, указывающие, что читать слова надо в иной последовательности.

** Речь, конечно, идет о ножных кандалах. *Словарь русского языка XVIII века* (Вып. 15. С. 174) знает слово *ногавка* со значением «обшивка колючком на птичьей ноге» и «кольцо, значок на ножке у сокола».

РОБЕЙ

Да естли бы и мне случилось свободждать любовницу, так может быть и мне бы любовь больше придала смелости. Но теперь хладнокровность* моя, кажется, ясно мне доказывает, // что не очень то забавно – для удовольствия другого быть удувлену.

МИЛЕН

Пустое! Паша, кажется мне, довольно благосклонной господин.

РОБЕЙ

А мне кажется, что самой гордой мужичина. Только-то и речей от него было: «Выдите отсюда!». Он, будучи турка, видно думает о себе, что он прямо с неба свалился, а не из таково ж составу сделан, как и прочие честные люди.

МИЛЕН

Не должно вдруг токовать всё в худую сторону. Может быть, таков у него обычай, что мало вступает он в разговор с иностранными.

РОБЕЙ

Станется. Однако ж я знаю то, что с толстоголовыми турками шутить опасно.
/26/

МИЛЕН

Однако ж он совсем отменной** человек. Драгима писала ко мне, что он точно так, как женщина, и мало имеет привязанность к обыкновениям своей земли. У него нет и решёток у окон сераля. А приятнее всего есть то, что Паша находит отменное себе удовольствие от того любовника, которой слишком отваживается для своей любовницы. Она клянется мне, что, какой бы я для нея ни наделал тревоги, опасаться ни мало не должно. А хотя бы и случилось! О! для Драгимы мне и смерть приятна.

Явление 4^е.

Те ж и Гассан. //

ГАССАН

Радуйтесь, друзья. Я принес вам хорошую весточку.

РОБЕЙ

Да в таком-то ты и состоянии, чтоб радоваться.

* Т.е., Робей похолодел весь от ужаса, а вовсе не проявляет в создавшейся ситуации мужество.

** Отменной – особенный.

ГАССАН

Паша удостоил вас своею милостию и даровал вам свободу. Ге! (*Кличет того, которой нес за ним фонарь.*) Сними с них оковы.
(*Турка, сняв цепи, уходит.*)

РОБЕЙ

Ах, какой милостивой господин!

МИЛЕН

Ну видишь!

РОБЕЙ

Как легко теперь ногам стало! Кто бы мог из его виду этого надеяться!

ГАССАН

Вы с теперешнего часа сами себе господа. Пойдем, я выведу вас из саду.

/27/

МИЛЕН

Боже мой! Опять новое препятствие! (*Гассану.*) Любезной друг, дозвожь нам переночевать здесь.

РОБЕЙ

О своем ли вы, сударь, уме? Что у вас за новые бредни? Неровно Паша завтра мысли свои переменит, так мы и пропали. (*Гассану.*) Пожалуй, поведи нас! Не надобно терять времени.

МИЛЕН

Дурак! Когда мы отсюда выйдем, то как же опять войти можем? И каким образом избавлю я Драгиму?

РОБЕЙ

Ах! Я уж и позабыл об этом.

МИЛЕН

Пожалуй, оставь нас здесь. Где мы найдем теперь себе безопасное убежище? //

РОБЕЙ

Ведь разбойники нас ограбят и зарежут! (*Про себя.*) О, естли б он нас выгнал!

ГАССАН

Никак нельзя мне этого сделать. Паша приказал сей же час вас выслать. А естли он завтра вас здесь застанет, то все трое будем мы жертвою его гнева.

РОБЕЙ

Чёрт меня возьми, естли не правду говорит он! У меня уж и теперь подколенки трясутся. Ах, сударь, пощадите себя и нас.

МИЛЕН

Молчи, скотина! (*Гассану.*) Возьми ты этот небольшой от меня подарок и будь впредь уверен о моей благодарности, естли только дозволишь, чтоб...

(*Хочет дать ему денег.*)

/28/

ГАССАН

Нет, нет! Я ни на какой подарок жизни своей не променяю. (*Про себя.*) Естли б я знал! – деньги меня соблазняют – не знаю, что делать...

ТРИО

МИЛЕН

Ах, сжался, бедных пожалей,
Дозволь здесь ночевать остаться.

ГАССАН

Вы смерти ищите своей.

РОБЕЙ

К чему тебе ввергаться
В такую бездну страшных бед?

МИЛЕН

Не мучь отказами так много.

ГАССАН

Паша меня накажет строго,
Когда вас завтра здесь найдет.

МИЛЕН

Поверь и в твердой будь надежде,
Что из саду мы выйдем прежде
Зари, пустившей слабой свет.//

ГАССАН

Никак нельзя.

МИЛЕН

Пожалуй!

ГАССАН

Нет!

Паша меня накажет строго.

МИЛЕН

Не мучь отказами так много.

РОБЕЙ

Паша, сударь, накажет строго!

ГАССАН

(рассматривая деньги, которые ему Милен во время пения сунул в руку.)

Ети бедные люди так хорошо умеют просить, что я над ними сжалился. Быть так. Хотя добрые люди, как и я. Так как им не услужить? Ведь я им помочь могу. Так оставайтесь же. /29/ здесь, только с тем, чтобы завтра с светом вдруг отсюда выйти.

РОБЕЙ

Вот какой верной слуга своему господину.

МИЛЕН

О, пожалуй, будь в этом уверен. Я еще хочу тебя попросить... *(Дает ему еще денег.)* Скажи мне, где живет невольница Драгима?

ГАССАН

Драгима? У селима совсем нет такой невольницы.

МИЛЕН

Пожалуй, откройся мне чистосердечно.

ГАССАН

Право, нет.

МИЛЕН

Я умираю! Эта Драгима родом россиянка. //

ГАССАН

Я тебе точно сказываю, что здесь ни одной россиянки и никакой Драгимы совсем нет.

РОБЕЙ

Вот тебе новая сказка.

МИЛЕН

О, небо! Однако ж напрасно я робею. Может быть, Драгима, как отечество свое, так и имя переменяла. А! Не узнаю ли то я чрез сие. Скажи мне, любезной друг, не знаешь ли ты, которая невольница послала письмо в Анзиру чрез того человека, которой на сюда привез?

ГАССАН

Это Фатьма.

МИЛЕН

Ах, я опять оживаю.

ГАССАН

Однако ж она не россиянка. Она воспитана в Царьграде, а привезена она /30/ еще маленькая с матерью своею из Грузии и находилась долго в серале великого султана, которой подарил ее Селиму в знак отменной к нему милости.

МИЛЕН

Начинаю робеть.

РОБЕЙ

И я так же. Не лучше ли отсюда подале?

МИЛЕН

Может быть она Драгиме приятельница. И как она по-видимому больше свободы имеет... Где она живет?

ГАССАН

Вот там. Третье окошко с левой стороны галереи – ее.

МИЛЕН

А Паша где живет?

ГАССАН

Он живет на другой стороне. //

МИЛЕН

Очень хорошо, любезной друг. *(Дает ему денег.)* Не сыщешь ли ты мне лестницу?

ГАССАН

На что тебе?

МИЛЕН

Я бы посмотрел в окошко, не та ли тут живёт, о которой я думаю, или не у ней ли Драгима моя находится.

ГАССАН

Я и это для тебя сделаю, потому что ты очень искусно просить умеешь. Только не наделай шуму. А то...

(Отходит.)

МИЛЕН

Нет, мы тихонько всё делать станем.

РОБЕЙ

Вы, сударь, право, опасности жизнь свою подвергаете. И при всей вашей /31/ смелости вы ничего не проведаете. Как застанут нас, так и прощай наши головушки.

МИЛЕН

Не бойся, друг мой. Теперь есть надежда.

РОБЕЙ

Да-да. Влюбленные всегда сыщут надежду. А я только надеюсь, что за это несдобровать нашим головам.

ГАССАН

(с лестницею)

Вот вам лестница, только меня тут не вплетайте.

МИЛЕН

Не бойся, тебе ничего не будет.

РОБЕЙ

И я уйду.

МИЛЕН

Постой! Ты поддержишь мне лестницу.

РОБЕЙ

Да ведь и тот столько же // виноват будет, кто лестницу держал, как и тот, кто по ней влезал.

МИЛЕН

Поги сюда.

(Приставляет лестницу, и Милен влезает.)

ГАССАН

Тише! Тише! Я здесь покараулю.

МИЛЕН

Ах, какая радость, Робей! Я слышу голос моей Драгимы! Это она говорит! Точно она! О, счастливой случай! Окошко отворено.

(Входит в окошко.)

РОБЕЙ

Тьфу к чёрту! Он уж там. Поэтому не опасно, когда он так свободно туда вошел. Дай-ка и я туда ж полезу.

(Влезает туда ж.)

/32/

Явление 5^е.

ГАССАН

(один)

Эдакой дерзкой! Боюсь, чтоб это не открылось. Всё это проклятые деньги меня соблазнили. *(Поёт.*)*

Хоть есть от денег вред,
Но к ним пристрастен свет,
Обман, измену вымышляют.
Металл сей сделал то тотчас,
Что должность я забыл,
Но это уж в последней раз
Гассан так дерзок был.

Ст! Это голос Паши. Куда мне скрыться? Ах, вот он. Я пропал!

(Прячется за дерево.) //

Явление 6^е.

Селим (выходит из палат, держа в руке саблю; за ним следуют вооруженные люди и другие с засвеченными фонарями) и Гассан, скрывшись.

СЕЛИМ

Какое изменничество! Хотели на меня напасть? Посмотрим! Я думаю они сюда сбежали. Ба! Что я вижу!

ГАССАН

Я услышал шум, прибежал вам на помощь.

* Следующие стихи в рукописи перечеркнуты крест-накрест теми же (?) чернилами.

СЕЛИМ
Как, изменник?!

ГАССАН
(робко)

Никак, милостивой государь! Я прибежал,... я хотел*..., как я услышал шум.
/33/

СЕЛИМ
Робость твоя тебя обличает.

ГАССАН
Я прибежал вам помогать.

ОМАР
Едакое дьявольское наваждение! Что ты наделал? Дадут же тебе за это добрую баню!

СЕЛИМ
Прибежал мне помогать? Да от меня же и спрятался? Поди, несчастной! Возьмите этого непотребного с глаз моих. (Отводят его ко остальной свите.) Будьте в готовности** предстать пред меня, когда я знак дам.

Явление 7^е.
Селим и потом Робей.

СЕЛИМ
Возможно ли, чтоб эти люди столь мало чувствовали мои к себе // милости! Какая неблагодарность! Теперь познаю я, что не всякому должно благоденствия оказывать.
(Поёт.)

Кто милости кому являет,
Сердца тем может привлекать.
И тем себя я мог ласкать,
Но сей пример мне представляет,
Что должен ждать измены тот,
И вам каков дел добрых плод.
За милость, ласку и отраду
Лишь получил я то в награду,
Что за добро
Хотят мне делать зло.

Что-то слышится – надобно посмотреть.

* Эти два слова списаны той же рукой над строкой.

** Два слова написаны по стертому.

РОБЕЙ

(Весьма тихо приближается.)

Кажется, опять все тихо. /34/ Однако ж надобно немножко поглядеться... Шить!... Это ты, Гассан?

СЕЛИМ

(толстым голосом)

Я. *(Про себя.)* Это без сомнения один из тех злодеев. Он почел меня Гассаном. Так же и я, чтоб узнать их тайну.

РОБЕЙ

Тьфу, дьявол! Какую мы кашу заварили! Провал бы все побрал! Чуть-чуть было душа не вылетела, как я голос проклятого вашего Паши услышал. Я еще и теперь отдохнуть не могу. Скажи мне, как ты от этого увильнулся? А? А, Гассан? Что? Ты не отвечаешь? Или ты от страху онемел?

СЕЛИМ

Так точно.

РОБЕЙ

У меня от страху и голос // переменялся*. Но кто ж в том виноват? Гораздо бы лучше было, естли б ты взял на себя расспросить о Драгима. Ведь бы очень легко это мог сделать.

СЕЛИМ

О. Драгима! Что я слышу? Это Робей! Надежда меня оживляет.

РОБЕЙ

Что за дьявольщину бормочешь ты сквозь зубов? Ты не знаешь еще всех наших чудес. Может ли кто сумасброднее быть вашего трусливого Паши? Беда теперь уж миновалась, так теперь можно досыта насмеяться. Тогда как бегал он, как сумасбродной и изо всей мочи кричал: «Люди! Люди!». В то время осматривал Милен /35/ все покои. Ха-ха-ха! Не все ли здесь такие храбрые? Не смешно ли тебе это кажется?

СЕЛИМ

Очень смешно. О, коль я счастлива! Милен мне верен и подвергается великой опасности для моей свободы.

* Перед глаголом затерта отрицательная частица НЕ.

РОБЕЙ

Если бы удалось господину моему найти Драгиму... Куда как бы желал я посмотреть завтра на Пашу, как он беситься будет, когда не увидит Драгимы.

Явление 8^е.

Милен и те ж.

МИЛЕН

Это ты, Робей?

РОБЕЙ

Я, сударь. //

МИЛЕН

Один ты?

РОБЕЙ

Нет, Гассан со мною.

МИЛЕН,

Ах, друг мой Робей! Я лишился надежды – судьба жестоко меня терзает. Я отважился на жизнь, чтобы сыскать только Драгиму, был во всех комнатах, но не мог видеть драгоценного предмета любви моей. Что мне подумать? Драгима сама писала ко мне – я знаю ее руку. А кого я ни спрашивал, то никто об ней не знает.

РОБЕЙ

Я совсем этого не понимаю. Видно, что сам сатана в это дело вмешался.

СЕЛИМ

Сон ли это? Или наяву я вижу? /36/ Любовь возвращает мне Милена исполненного верностию и пылающего любовным ко мне пламенем. Ах! На что ж было ему с другою соединиться?

МИЛЕН

Итак, не увижу я любезной моей Драгимы. Теперь мне не ея, но уже смерти искать должно. Смерть есть единое средство освободиться мне от всех печалей, к коим меня судьба определила. *(Поёт.)*

Прервись, несчастна жизнь, скорей!

Ничем мой стон не истребится,

Коль нет Драгимы уж моей.

Всечасно мне драгая зрится.

Прелестной взор ея мне мил

Я в ней блаженство находил,
Но тщетно все! Лишен отрады,
Теперь я рад //
Оставить сад,
И от небес мне нет пощады.

СЕЛИМ

Постойте, посвечу вам.

(Бьет в ладоши, и тотчас Омар с прочими невольниками появляется.)

РОБЕЙ

Ах! Что это? Пропал я! Тотчас дадут карачун*! Ах, милостивый государь!
Высокопочтенный господин Паша! Помилуй! Я не виноват!

МИЛЕН

Если вменяете вы в преступление, что старался я освободить от рабства ту, кого я обожаю, – так принесите меня в жертву вашему гневу. Я приму сие за благодеяние, если вы прикажете /37/ немедленно придать смерти. А при том почитаю себя счастливым, что не прежде лишился я жизни, пока не осталось мне ни малой надежды к возвращению Драгимы. Ах! Драгима не для меня уже живет на свете!

СЕЛИМ

(Снимает чалму.)

Она живет для одного только ея** Милена!

МИЛЕН

Боже мой! Драгима! Как? Могу ль я верить глазам моим?

СЕЛИМ

Верь моему сердцу и своей нежности.

МИЛЕН

Любезная Драгима!

(Обнимаются.)

СЕЛИМ

Дражайший Милен!***

* Карачун – смерть

** Вписано над строкой иным (?) почерком.

*** Реплика первоначально была пропущена, вписана более мелко.

ОМАР

Вот тебе на! Кто бы это подумал! //

МИЛЕН

Какая благополучная участь! Из бездны отчаяния возводит меня судьба на высочайший степень* благополучия.

СЕЛИМ

Но я не думаю, что бы мною ты мог счастлив быть, когда другая, как ты сам сказал...

МИЛЕН

Как? Другая?

СЕЛИМ

Ты сказал, что ты уже женат.

МИЛЕН

Я сказал это с тем намерением, чтобы мне без подозрения можно было похитить тебя у Паши Тунисского!

ОМАР

А теперь похищает и самого Пашу вместе с Драгимою!

/38/

СЕЛИМ

Теперь я совершенно счастлива! О, естли б счастье твое с моим сравнялось!

РОБЕЙ

Я не знаю, во сне ли мне это видится или...? Вы, сударыня, эту шуткою такой на меня страх нагнали, что чуть было со штафетою** на тот свет не отправился.

МИЛЕН

Каким же образом ты могла утаить свой пол, сделавшись музульманом?

СЕЛИМ

Когда разбойники судном нашим завладели и пристали к берегу, тогда с радости перепились они мертвецко пьяны. Я тогда от них ушла и скрылась. Ложной слух о твоей смерти довел меня до такого отчаяния, что я искала случай за тобою последовать. В то время была там у султана война, и я, нашед заколотого турку и

* *Степень* – здесь существительное мужского рода.

** *Со штафетою* – с эстафетою, т.е. 'скорой почтой'.

сняв с него платье, переделалась и, сказавшись смиренным купцом*, принята была в армию. Но вместо того, чтоб найти смерть, получила чин сей. В другое время расскажу тебе о сем обстоятельнее, а теперь хочу показаться в настоящем моем виде тем, кои обо мне еще не знали. (Омару.) Поди, позови Фатьму, Заиду и Гассана.

ОМАР

Тотчас, милостивая государыня Паша.

(Уходит.)

МИЛЕН

Так ты никому в этом здесь не открылась?

СЕЛИМ

Никому, кроме любезной и верной /39/ моей Фатьмы, которая столь часто утешала меня о потере любезного моего Милена. О! Как она обрадуется, видя совершившиеся свои желанья, что любезной мой Милен сохранил ко мне свою верность.

ДУЭТ

СЕЛИМ

Ах, можно ли хоть мало
С сей радостью сравнять,
Коль счастье послало
Того мне обнимать,
По ком мой дух терзался.

МИЛЕН

Коль та теперь со мной,
Любить котору клялся.
Так дух спокоен мой.

ОБА

Судьба днесъ съединяет //
Страдавшие сердца,
Сугубо награждает
Их счастьем до конца.

Явление 9^е.

Те ж, Фатьма, Заида, Гассан и Омар.

* Вполне вероятно, что смиренный купец попал в текст Матинского из пьесы «Благодеянии приобретают сердца» (С.-Петербург, 1770), которая является переводом комедии С. Н. Р. Шамфора «Le marchand de Smyrne».

ОМАР

Да и я немало этому дивился, что женщина могла представлять столь хорошего Пашу. Не говорил ли я тебе об этом, Гассан?

СЕЛИМ

Извини меня, любезная Заида, что я тебя так долго оставляла в неведении, которое немало тебя беспокоило.

ЗАИДА

Вы меня пристыжаете. /40/ Однако ж я вас любила и люблю, несмотря на то, что вы со мною одного полу. А теперь люблю тем еще более, что вы делами своими нашему полу столь много похвалы сделали.

ФАТЬМА

Это правда, и за то достойны вы всякого от нас почтения. Вот коль российские женщины искренны и достойны любви! Да здравствуют постоянные* и верные россиянки!

СЕЛИМ

Я благодарю вас именем своих единоземок, любезная Фатьма.

ГАССАН

(Омару)

Ах, если б была у нас бутылка вина, мы бы выпили за их здоровье.

ОМАР

Это еще не уйдет. //

СЕЛИМ

Ну, Заида, теперь, согласишься ли, что я тебя любила? Обойми меня как свою подругу вместо мнимого любовника. Обойми и ты, любезная Фатьма. [Я о тебе уверена, что ты принимаешь великое участие в моей радости.] Я даю всем моим невольникам свободу. Скажи им это, Гассан, от меня. Теперь пойдём все и уведомим прочих женщин о моей судьбине, а потом станем к отъезду приготовляться. [Естьли вы, Фатьма и Заида, будучи моими друзьями, согласитесь со мною ехать, то буду тем совершенно счастлива, что могу препровождать жизнь мою в объятиях любви и дружбы.]

ХОР

Может ли лучше чем жизнь услаждаться,

* Слово иным почерком вписано на пустом месте. Вероятно, переписчик не разобрал слово в протографе.

Кроме любви, кроме верных друзей? /41/
Счастливым можно тому лишь назваться,
Сладость кто благ сих вкусил в жизни сей.
Учесть блаженна,
Сколь ты драгоценна!

ФАТЬМА

Где верность есть между сердцами,
То ныне чтут все чудесами,
Лишась ея, не мил красавицам весь свет.
Оне в отчаяние впадают
И, как герои, поступают,
Любовь им храбрость придает!

МИЛЕН и РОБЕЙ

Не столь любовника ток слезной
Чувствителен его любезной,
Сколь смелость ей мила в презренье страшных бед.
Кто сильно от любви страдает, //
Тот все охотно предпринимает –
Любовь отважность придает!

ЗАИДА

Блаженны дни теперь настали,
Исчезли все мои печали,
И счастье теперь рекою к нам течет.
Мы тщетно иногда страдаем,
В любви других подозреваем –
Любовь нам ревность придает!

ГАССАН и ОМАР

Счастлива, друг мой, наша доля,
Коль нам дана драгая воля,
То счастья сего и в свете больше нет.
Златая цепь нас не прельщает,
Свобода больше утешает –
Свобода жизни придает.

/42/

СЕЛИМ

(к партёру)

Примите, зрители почтенны,
Труд благосклонно наш усердный

И приложит нам к успехам дальный след.
Когда Паша вам сей приятен,
Да будет нам хвалы глас внятен –
Хвала охоту придает!

ХОР

Может ли лучше чем жизнь услаждаться,
Кроме любви, кроме верных друзей?
Счастливым можно тому лишь назваться,
Сладость кто благ сих вкусил в жизни сей. //
Учесть блаженна,
Сколь ты драгоценна!

КОНЕЦ ОПЕРЫ*

Получено: 2015, январь

Принято: 2015, январь

Адрес автора:

Факультет гуманитарных наук
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
Школа филологии
Старая Басманная ул., 21/4
105066 Москва
Россия
E-mail: alifshits@hse.ru

* Чуть ниже слова повторены иным почерком и чернилами иного оттенка.